

The background is a dramatic, dark teal painting of a stormy sea. The water is turbulent, with large, swirling waves and white foam. In the foreground, a small, dark boat is visible, with several figures inside, struggling against the waves. The overall mood is one of danger and survival.

Полина Закревская

Полярная ночь

Полина Закревская

Полярная ночь

«Автор»

2018

Закревская П. О.

Полярная ночь / П. О. Закревская — «Автор», 2018

Как долго будет длиться шторм? Порой жизнь превращается в бесконечную полярную ночь, солнце больше не всходит над головой и единственный свет на этом проклятом острове - далекий сигнал заброшенного маяка. Может, всё это сон? Единственное, что осталось в память о маме - это отрывки из ее дневников. Десятки лет дочь пытается разобраться, что именно произошло с ее семьей. Кто этот таинственный человек, который был рядом все это время?

© Закревская П. О., 2018

© Автор, 2018

Полина Закревская

Полярная ночь

Сложнее всего писать о своих близких. Наверное, потому что некоторые вещи страшно обсуждать даже с самим собой. Но иногда стоит преодолеть себя и все рассказать. Зачем? Потому что это не должно безмолвно уйти в пустоту.

Я решаюсь открыть эту тайну, хотя, признаюсь, это дается мне с большим трудом.

Я расскажу о ней, об этой удивительной женщине, которую, к моему большому сожалению, я не смогла понять и принять, когда ей это было необходимо. И, за что я не могу себя простить по сей день.

Ева-Патрисия, моя большая трагедия.

Часть I

«Тучи над моей головой»

Глава 1

Из личных дневников моей сказочной Патти.

10 сентября ... год.

После 10 лет преподавания теории искусства я едва ли могу поговорить с собой о чём-то другом. Нет, определённо это не входит в круг моих интересов, но доктор Хольмберг настаивает.

Чувствую себя как на экзамене по литературе – мне необходимо написать эссе на свободную тему. Я так не могу, у меня нет мыслей. Я сдаю пустой лист, извините, доктор.

11 сентября.

Попытка номер два.

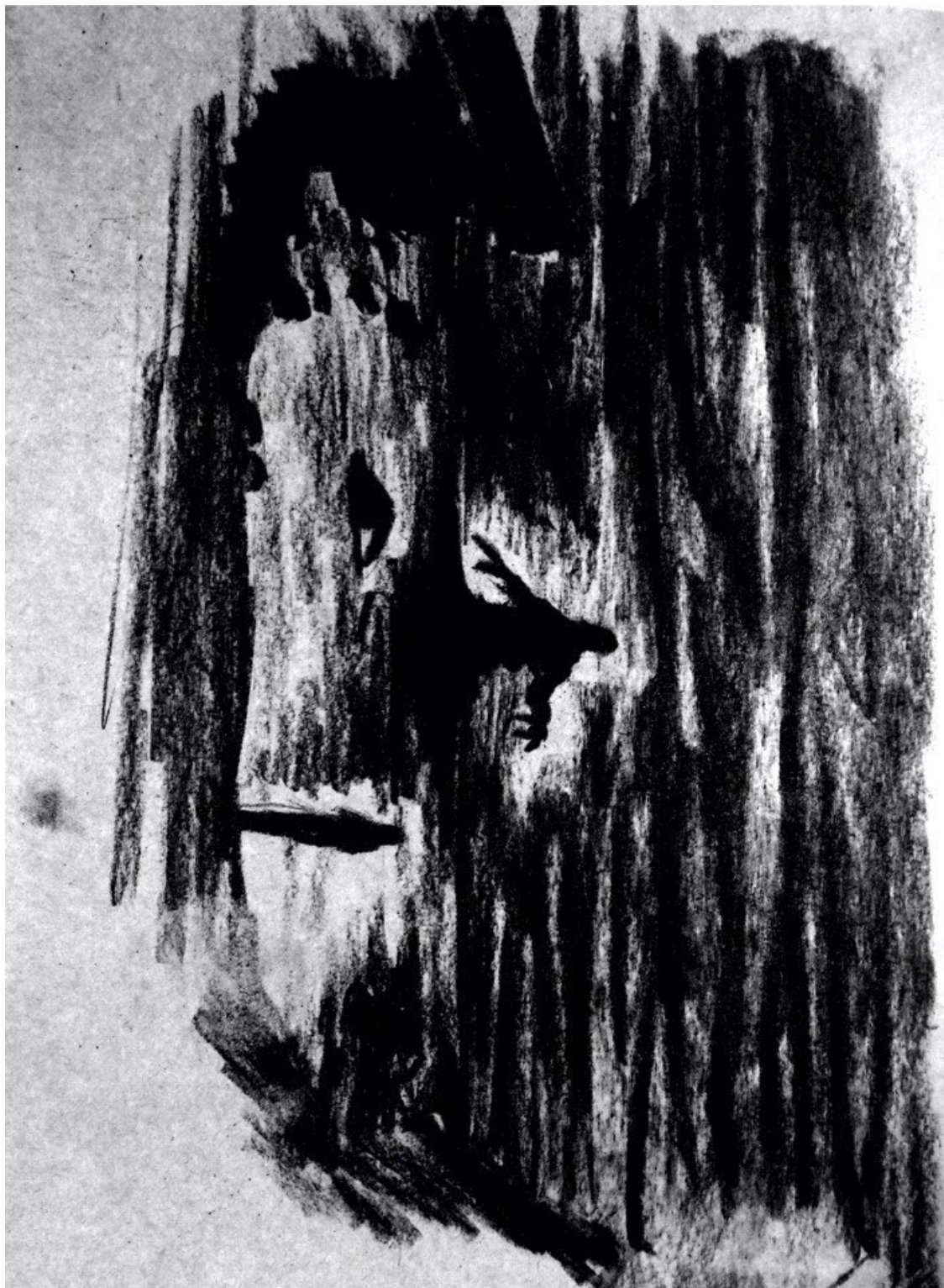
Доктор Хольмберг говорит, что я должна описать свою тревогу. Первое, что приходит в голову – это большая бесформенная черная клякса. Я однажды брызнула чернилами на холст и долго наблюдала, как стекают капли, вырисовывая силуэт. Получилось нечто с длинными руками и очень большой головой. В своих фантазиях я зашла настолько далеко, что одушевила образ и дала ему имя. Форма.

Та зима была особенно дождливой и серой, нас надолго отрезали от цивилизации и мы были вынуждены провести 1,5 месяца без света и электричества. Паром на материк также не действовал и мы оказались узниками острова. Правда, нас снабдили провизией до весны, а свечи и керосиновые лампы до сих пор сложены в подвале на случай очередной непогоды. Йенс на тот момент находился уже как три месяца на Шпицбергене. В общей сложности дети не видели отца 11 месяцев. Сначала вахта, потом шторм, потом та авария на станции. Почти год как в тумане.

Конечно, Яспер и Хуго называют это время самым счастливым в жизни. Ну, не считая отсутствия папы, естественно, всё было замечательно. Их перевели на домашнее обучение. Я не могла разделить общей радости, ведь все заботы свалились на меня. Зато Хуго научился прекрасно рубить дрова, а Яспер освоила основы домоведения. Да всё-равно, это была ужасная зима. Береговая линия сократилась вдвое. Приливом размыло пирс.

Я помню, как часами наблюдала за сигналами маяка. Для нас мир погрузился во тьму, и только эти сигналы с периодичностью в 5 секунд давали надежду на то, что в конце все пройдет и нас снова вернут к обычной жизни. Я смотрела как стирается берег и представляла, как из волн выходит Форма. Большая, чёрная, сгорбленная сущность неспешно движется мне навстречу, волоча руки по земле. Этот путь в 50 метров казался вечностью. Сначала оно шло, но не приближалось. Однако, через несколько дней Форма доходила до крыльца. У него не было лица, но мне казалось, что оно смотрит на меня. Меня это не пугало, я наоборот ждала, когда оно придёт. Это приносило спокойствие. Я думала, что однажды оно просто возьмет меня в свои объятия и я растворюсь, потеряюсь, утону в нём как, птица, случайно попавшая в шторм. Как гигантская волна оно должно было накрыть меня с головой.

Но оно просто стояло под промозглым дождём на крыльце и молча наблюдало за мной. А стоило мне только отвести взгляд – и вовсе пропадало. Доктор Хольмберг был весьма обеспокоен этой фантазией. На мой взгляд, он придавал этому слишком большое значение. Конечно, он же не провел всю зиму на острове! Я бы на него посмотрела, наверняка не обошлось бы без психоза. Я-то знаю, что его спокойность показательна, а в душе он такой же сумасшедший, как и мы все. Ладно, я это зря, ведь он наверняка попросит прочесть эти записи, будет неловко.

17 сентября.

В этом году осень очень тёплая. Теплее, чем лето, мне кажется. Зима ушла в апреле, в конце месяца нас уже выпустили на материк. Мы немного одичали за всё время. Хуго в первый же день в городе объелся сладкого, оторвался, так сказать, а потом еще три дня его сильно мучило. В общем, продлил себе каникулы. Яспер с удовольствием вернулась в школу. Я же просто наслаждалась возможностью принять горячую ванну и посмотреть передачи по тиви. И, конечно, возможностью хоть чуть-чуть побыть не в окружении споров между близнецами. Кризис подросткового возраста у этих детей начался раньше, чем я предполагала. В 10 лет они уже столкнулись с первыми проблемами становления личности. Я же планировала ещё как минимум года два об этом не слышать. Ну, да ладно, наверное, это и хорошо. Раньше пришло, раньше уйдёт.

2 мая вернулся Йенс. Он сильно похудел и постарел. За все эти годы, что мы вместе, я никогда не замечала в нем возрастных изменений. Мне он казался всё таким же, как и в 20. И только теперь я вижу, как потускнел его взгляд и огрубилась кожа, вижу морщины и первые седые волосы в бороде. Он даже ростом уменьшился. Или стал сильно сутулиться. Тяжелый физический труд оставил свой отпечаток на некогда здоровом и сильном северном мужчине – открылась язва желудка, а травма спины старойдавноности заставляла мучиться от болей по ночам. О той аварии на шахте он почти ничего не рассказывал. Говорил только, что чудом спаслись. Спасателей ждали почти 12 часов. После прошедшей зимы он вообще мало что говорит, всё время проводит в мастерской или ковыряется в пикапе у себя в гараже. Приводит дом в порядок, за время его отсутствия многое потеряло товарный вид. Грустно это признавать, но мне кажется, что он ощущает себя ненужным. Дети всё больше заняты своими проблемами, им уже не интересно ездить с папой на рыбалку или охоту. К тому же, Хуго недавно заявил, что не хочет идти по стопам отца и вообще не желает месяцами находиться вдали от дома. Наверное, и правда они отвыкли. Они выросли без родного отца, несмотря на то, что он всегда был с нами. Они даже не послали открытку ему на последнее рождество, так как либо письма всегда не доходили, либо у него не бывало времени отвечать. Та зима что-то переменяла во всех нас.

Уже в начале июня Йенс решил бросить старую работу и устроился на материке. Он купил небольшую и достаточно старую моторную лодку и теперь занимается перевозкой товаров между островами. И хорошо ведь, к вечеру он уже дома. Кроме того, весьма прибыльно. Жизнь началась по новой.

22 сентября.

Доктор Хольмберг попросил меня меньше писать о семье, больше о своих чувствах. Сегодня он спросил меня: «Патти, как ты думаешь, что именно привело тебя ко мне в кабинет?». Честно сказать, я затрудняюсь ответить на этот вопрос. В конце августа меня начали преследовать головные боли, нарушился сон. Яспер назвала меня слегка заторможенной. Я бы наверняка обиделась, если бы это не было правдой. Я могла всю ночь не сомкнуть глаз или же спать по 9 часов подряд днём. Наверное, меня посетила апатия. Я перестала выезжать на материк, взяла отпуск.

Несколько лет назад в университете, в котором я преподавала, произошло сокращение. Меня отправили на 3 месяца без содержания, а потом и вовсе уволили. Остаться дома я не хотела, поэтому устроилась в детскую художественную школу. В целом, работа меня устраивала. Оказалось даже проще, чем я думала. Теперь из-за неизвестной болезни я не могу вернуться. Я стала невнимательна и, мне кажется, я всё забываю. Я словно не могу прийти в себя. Только после чего – непонятно.

Йенс заставил меня обратиться к неврологу. К большому удивлению, никаких патологий не обнаружилось. Мозг чист и свеж, насколько это возможно в моем возрасте. Только вот это сомнительное состояние продолжилось. Это и привело меня к доктору Хольмбергу.

Признаться честно, я не вижу смысла в наших встречах (придется переписать всю запись от сегодняшнего числа). Правда, я бы прописала себе побольше бывать на свежем воздухе и меньше думать о проблемах. Хотя, более спокойной и размеренной жизни, чем у меня вряд ли у кого бывает. Доктор ровно час двадцать копается у меня в голове, вынуждая вспоминать всё с раннего детства и проводя бессмысленные на мой взгляд аналогии. Я сижу в этом громадном кресле напротив него и ощущаю себя как блоха под микроскопом. Он ждёт от меня чего-то, он работает на результат – но прошло уже больше двух недель с начала наших сеансов, а я все так же не понимаю что к чему. Тем не менее, Йенс оплатил месячный курс, так что придется потерпеть.

Уже месяц я словно нахожусь вне пространстве и времени. Это меня немного беспокоит. Беспокоит больше, чем непонятное существо из воды и чернил.

1 октября

Тревога усиливается. Я ничего не успеваю. Мне кажется, что они осуждают меня... почему? Я ощущаю себя плохой матерью, плохой женой.

Но я всегда была ему верна, я всегда делала всё для нашего счастья. Я и мужчин других-то не знала. Я родила детей, потому что он этого хотел, я отказалась от карьеры ради него. Какая может быть карьера у заурядной художницы, с другой стороны?

В последнее время я ловлю себя на мысли, что мне хочется сбежать от них. Я не хочу оправдываться за каждый свой поступок...

Они считают меня виноватой во всех бедах. Но что я делаю не так?

Я помню как всё начиналось. Мы все ощущали что-то неладное. В воздухе повисло напряжение, это была затяжная пауза. Наши нервы были накалены.

Мне 32 года, я состоявшийся журналист. Я живу в большом городе и у меня есть всё, что делает современного человека счастливым – стабильный доход, планы на будущее, уважение в обществе. Я не замужем и никогда не была.

Я не психолог, но мне кажется, что моё отношение к концепту семьи начало складываться именно тогда, когда имя доктора Хольмебрга в нашем доме стало звучать чаще, чем молитва или пожелание доброй ночи. Мама в упор отказывалась видеть проблему, папа за годы вахт в суровых условиях стал слишком прямолинейным и настойчивым. Мы же с Хуго разрывались между ними. Хуже ситуации не придумаешь. Они часто спорили, разговаривали на повышенных тонах. Нам оставалось только закрыть глаза и уши, чтобы этого не видеть и не слышать.

Однажды в очередной напряженный вечер я закрылась у себя в комнате и долго плакала. Плакала почти до утра под одеялом. Тогда никто не пришел поцеловать меня перед сном и пожелать хороших снов. Я уснула на рассвете с мыслью, что лучше бы папа не возвращался.

Однако, я понимала, что он прав. С мамой творилось что-то неладное.

Из записок доктора Эрнеста Хольмебрга

3 сентября

Не так давно ко мне обратился муж одной пациентки, госпожи Е. (имя скрыто по этическим нормам). Жалобы мужа стандартны:

- головные боли;*
- нарушение сна;*
- галлюцинации (заявляет, что видит в окне некое существо);*
- эмоциональная нестабильность;*
- апатичное состояние.*

Госпожа Е. – 37 лет, 12 лет в браке, двое детей. Работает преподавателем искусства в художественной школе. Ранее на учёте у психиатра не наблюдалась.

Сегодня, в 13:00 госпожа Е. пришла на прием в сопровождении мужа. Визуально наблюдается повышенная тревожность. Постоянно смотрит по сторонам, прямого контакта в глаза избегает. Признаки самодеструктивного поведения отсутствуют.

Потенциальную проблему отрицает. Утверждает, что чувствует себя нормально.

Подозреваю раннюю стадию психоза.

Вообще, я понимаю, что доктор Хольмберг делал все, чтобы ей помочь. Однако, чем больше я анализирую эту ситуацию, тем больше осознаю, что всё это было предназначено нам судьбой. Помню, как через год после событий я задавала себе вопрос, почему именно я? Почему мы? Мы ведь самая обычная семья, ничем не выдающаяся, мы жили как все, развивались как все, мы запекали утку на день благодарения, вырезали тыквы к Хэллоуину и украшали дом к Рождеству. В нашем семейном альбоме полно душевных фотографий: вот мама шьёт нам костюмы к утреннику, вот папа учит Хуго держать удочку, наш первый поход в школу, вот нас завалило снегом и папа позирует с лопатой, вот наш пёс Хайдрик, безвременно ушедший, вот наш с братом 9 день рождения, мы готовимся задуть свечи на праздничном торте... А тут мы дарим маме с папой открытку на годовщину свадьбы. Все смеются, все счастливый.

Сейчас эти фотографии хранятся у меня в далеком ящике. Мне больно открывать альбом, больно осознавать, что все могло быть иначе. Но больнее всего тот факт, что мы никогда не поймем почему так произошло.

Слишком много драмы для начала истории. Пора продолжать.

Из дневников Патти.

6 октября

Так мало тыквы уродилось в этом году. В целом, год неурожайный. Не думаю, что мы сможем запастись витаминами на зиму.

Доктор Хольмберг говорит, что в душе я боюсь прихода новой зимы, он думает, что это обостряет мои фобии и страхи. Ох, глупости всё.

Йенс говорит, что я уже не так остро воспринимаю комментарии доктора по поводу моего здоровья. Я смиряюсь, да. С одной стороны я понимаю, что он хочет помочь, я с другой стороны – я не прошу помощи. Вся эта суета, тревога... всё это окружает меня в последние месяцы. Я не могу привыкнуть к новому образу жизни.

Сегодня Хуго спросил меня, когда я в последний раз рисовала. Я подумала и вспомнила, что уже больше двух месяцев не прикасаюсь к кистям. В моей жизни не было периода, когда я переставала рисовать. Даже во время беременности, когда меня мучил ужаснейший токсикоз и тошнило даже от запаха холста, я не переставала творить. Помню, как тогда нарисовала лавандовое поле на закате. Потом неделю не могла смотреть на фиолетовый цвет, мне казалось, что он пахнет водорослями во время цветения воды.

Писатели имеют тенденцию исписываться, значит, художники изрисовываются. В последнее время я потеряла к этому всякий интерес.

Вчера приходила Форма. Она... оно... стояло у меня за спиной, когда я гладила рубашку Йенса. Оно стало заходить в дом. Оно просто ходит за мной, молча. Даже когда я его не вижу, я слышу скрип полов от его шагов. Почему-то, даже вблизи я не могу рассмотреть его очертания. Вдали оно казалось лучше очерченным.

Иногда оно кладет свою гигантскую ладонь мне на плечо и я ощущаю невыносимую тяжесть. Оно ходит за мной по дому с ладонью на плече и уже через 10 минут я ужасно устаю.

Доктор Хольмберг спросил меня, почему я его не боюсь?

А почему я должна? Оно не вредит мне. Я больше боюсь, что скажет Йенс. Один раз он застал меня смотрящую в окно. Он несколько минут наблюдал за мной, а потом спросил, на что я так внимательно смотрю. Я ответила, что это Форма выходит из воды. Оно походило ближе и ближе, но Йенс ничего не видел. Он начал доказывать мне, что там ничего нет. Как нет, если я прекрасно вижу, что есть?

Когда у нашего соседа Томпсона начали отказывать почки, Йенс говорил, что это нестрашно, нужно всего лишь раз-другой сходить в парилку и всё пройдёт, мол в холодное время года почки легко застудить, но у Томпсона обнаружили рак. Он умер через месяц, сгорел как свеча, не успел даже написать завещание. А сколько раз он пытался уличить детей во лжи, наивно полагая, что они просто не хотят идти в школу и это никакая не простуда.

Я это к чему – у Йенса свой взгляд на вещи: он отрицает очевидное, но с упованием полагается на маловероятное.

Я вижу – и значит, оно есть.

Я не стала доказывать Йенсу свою точку зрения. В конце-концов, Форма может его напугать. Он ведь всегда немного комплектовал в присутствии незнакомых существ. К тому же, может возникнуть много других вопросов, отвечать на которые мне бы не хотелось.

14 октября

Наконец мы нашли общий язык!

Доктор Хольмберг решил больше не читать мои записи, но рекомендовал продолжать вести дневник для себя. Вопросов про Форму он тоже больше не задает.

Он попросил нарисовать меня маяк. Пойти на пирс, вернее, на то, что от него осталось после прошлой зимы, и нарисовать маяк вживую, не по памяти.

Не знаю, не очень хочется выходить из дома. В последнее время вообще мало что хочется, особенно тащиться на развалины, чтоб что-то нарисовать. Как в первом классе, честное слово. Но я не злюсь, я понимаю, что он делает свою работу.

Сегодня слишком ветрено, завтра схожу.

17 октября

Этого не может быть! Они всё подстроили...

Я ходила на маяк! Я провела полтора часа на ветре и холоде, рисуя этот чёртов маяк!

Я просто не знаю, куда я дела этот гребаный рисунок...

Мы с Хуго слышали разговор между мамой и папой, и это звучало нелепо. Два взрослых человека не могли решить, не могли определить, ходила ли мама на маяк рисовать? Папа доказывал, что не ходила, ведь судя по ее словам, она вернулась менее получаса до того, как он приехал с работы, а её обувь абсолютно сухая и чистая стоит в прихожей. Он говорит, что этого не может быть, ведь на улице лужи и боковой дождь. Ну, допустим, что маме не обязательно было шлёпать по лужам, а капли от дождя могли спокойно высохнуть на чёрных замшевых ботинках, ведь с отопительной системой в доме все хорошо.

Мама кричала, что папа держит ее за сумасшедшую, ведь она еще не успела согреться после длительной прогулки. И правда, ее руки были холодны, а лицо выглядело обветренным и покрасневшим.

Это нонсенс. А где тогда рисунок, спросил папа? Она могла выронить его по дороге домой, ведь уже стемнело. Мама часто теряла вещи в то время: зонт, кошелек, телефон. Она была весьма рассеянным человеком от природы.

Мы с Хуго не стали вмешиваться в их спор, он предложил тихонько пробраться в мамину мастерскую и проверить художественные принадлежности. Мы пробрались, и что мы увидели? Кисти аккуратно сложены в коробке, сухие. Мольберт находился в разобранном состоянии, уже немного покрылся пылью. Бумага сложена в полке стола. С тех пор как мама перестала

рисовать, в мастерской царил небывалый порядок. Всё на своих местах. Это даже не выглядело как мастерская, больше похоже на художественный магазин или музей. Всем своим видом вещи давали понять, что к ним давно никто не прикасался.

Но почему тогда она так громко плачет? Зачем она нас обманывает?

20 октября

Вчера доктор Хольмберг выписал мне лекарства.

А вы когда-нибудь задумывались о том, как определить, что вы существуете? Как понять, что ты – это не сон, не чьи-либо грёзы, не плод фантазии, не выдуманный герой? Где та грань между настоящим «Я» и чьим-то другим определением «Тебя».

А что если мы просто герои сказок больного писателя?

Что мы сами значим в этой жизни? Ведь всё кругом это совокупность правил, придуманных кем-то другим. У человека нет реального выбора: добровольно или же принудительно ему приходится жить по этим правилам. Человек даже не может себя убить, так как другие ему запретили. Нам всем приказали жить. И жить ровно, правильно.

Общество выравнивает, выправляет людей, а тех, кто не поддается – списывают со счетов как погнутые гвозди. Никому не нужен сломленный человек, иной человек.

Только как понять, что ты не такой как все? И почему?

Жили вместе, питались одной пищей, дышали одним воздухом...но однажды утром ты просыпаешься и узнаешь, что ты бракованный товар. Еще некоторое время тебя пытаются выправить, но ты даже не понимаешь, что именно с тобой не так.

Что они видят, чего не вижу я?

22 октября

Наконец мне удалось побыть одной.

Какая блаженная тишина и покой.

За последнее время я невероятно устала от гнетущей атмосферы в доме, от осуждающего взгляда мужа и от настороженных детей. Они считают, что я им враг. Пусть так.

Сегодня утром Йенс отправился в открытое море на рыбалку, дети уехали к бабушке с дедушкой на весь уикенд.

Я думала, что проведу этот день в безмятежности, но оказалось, что не только домашние, но и сам дом настроен против меня.

Я села в кресло, зажгла камин, хотела послушать треск дров в костре, это невероятно завораживает. Вдруг стены начали сужаться. Сначала я услышала дикий гул, будто кто-то и вовсе отрывает дом от земли, словно стоматолог вырывает больной зуб. Потом резко настала звенящая тишина...Я не знаю, что со мной случилось, я не могла пошевелиться, я даже не могла отвести взгляд. Все тело заполнилось свинцом. Мне стало безумно страшно. Страшно, что нечто унесет меня вместе с домом. Я даже на мгновение подумала, что это Форма, но потом поняла, что ему не по силу такое. Да и зачем? А если это не Форма, значит, что-то ужасное, что хочет мне навредить.

Мысли как нитки сплелись в клубок.

А потом стены пришли в движение.

Нет, это не было похоже на землетрясение, ведь тогда все бы упало со шкафов, все бы сильно дрожало и рассыпалось. Нет, это была совсем легкая вибрация. Может, это не стены сужались, а сам дом уменьшался, как у Алисы в стране чудес. Но всё же кажется, что именно стены. Мне стало тяжело дышать. Мне показалось, что вот сейчас они сомкнутся и похоронят меня навсегда. А еще хуже, если они сомкнутся не достаточно плотно и я выживу, но буду постепенно умирать от нехватки кислорода.

Когда вернутся Йенс и дети, они наверняка будут меня искать, но я буду настолько слаба, что не смогу до них докричаться. Сколько вообще мне бы хватило воздуха в таком случае? Смотря насколько бы сомкнулись стены. А, может, они вообще бы раздавили меня как муху, и не осталось бы и мокрого места от меня между этих плит.

К счастью, способность двигаться вернулась ко мне очень вовремя. В секунду я выпрыгнула из кресла и бросилась прочь. Но выбежать из дома тоже было непросто, через шаг или два ноги стали ватными и двигались в разы медленнее, чем стены. Мне кажется, что выскочила я в последнюю минуту, вот-вот и плотные челюсти наших кирпичных стен бы сомкнулись на мне. Держу пари, я видела их обнаженные клыки. Я едва не попала в этот мёртвый капкан.

Удивительно, но снаружи все прекратилось. Я выбежала за калитку, чтобы отдышаться. Мне кажется, что от перенесенного ужаса у меня даже на какое-то время остановилось сердце, так как я не чувствовала пульса первое время. Я взглянула на дом – он стоял на месте, твёрд и непоколебим, будто ничего не произошло.

Что-то однозначно меня преследует.

На самом деле я не планировала описывать это событие. Скорее всего, мне бы всё-равно никто не поверил, как теперь обычно бывает. Но со мной произошло и кое-что другое, что в корне изменило мое отношение ко всему.

Случается же так, что одна встреча делит жизнь на «до» и «после».

Теперь я вижу смысл в том, чтобы написать об этом.

В тот день, а точнее уже вечер мне некуда было пойти. По понятным причинам возвращаться домой я не хотела, я бы даже сказала, я боялась. Перспектива бродить по пляжу до утра тоже мало прельщала, но выбора не было. Выбегая из дома, я не захватила ни цента, а значит, на паром мне было не попасть.

Пляж так пляж. Благо, погода была сухая и безветренная, провести вечер в одном свитере в середине осени казалось мне возможным.

Я шла вдоль берега, размышляла над произошедшим. Я ушла уже достаточно далеко от дома, мне показалось, что там я в безопасности. Сама того не ведая я отправилась по направлению к маяку. Он старый, разрушенный, но там можно найти крышу над головой. Всё лучше, чем на улице. К тому же, велика вероятность, что туда никто не забредёт, ведь в этой части острова живём только мы и Есперсоны, которых также не было дома уже дня три.

Пока шла я насчитала 179 исключительно белых ракушек. Оказывается, не так уж и много ракушек без крапинок и бликов. Белых, как скорлупа очень мало. Я подумала, что хорошо бы их измельчить и принимать по ложке ракушечного порошка по утрам. Это ведь настоящий кальций! Или можно добавлять порок в молочный коктейль. Только вот если попадётся хотя бы один неизмельченный кусочек, то он наверняка прорежет пищевод. От нашего острова до ближайшего госпиталя примерно часа полтора. Сначала паром, полчаса как минимум, но его надо еще дождаться с большой земли. Потом еще около получала до места. А сборы и первая помощь? В общей сложности часа 2-3. Сумеет ли человек прожить столько времени с дырой в пищевом тракте? Вряд ли.

Я не стала собирать ракушки, но считать продолжила.

Вдруг я услышала голос за спиной. Я обернулась и увидела мужчину. Он также как и я неспешно брёл вдоль берега, примерно метров в 10 от меня.

«На Севере ракушки более хрупкие, чем на Юге. У нас под ногами они превращаются в песок, но босиком ходить по такому песку я бы не рискнул. Если уж уколёт, так потом неделю точно хромать».

Я не помню, что я ему ответила на это.

Как он вообще тут появился? Он приближался, а я внимательно в него всматривалась. Высокий, одет по погоде. Но не выглядит местным. Кожа у него светлая, а глаза чёрные. Или тёмно-синие. Я, кажется, впервые поняла, что значит «глаза как омут». Огромные, гипнотические глаза. Наверное, средневековые писатели вдохновлялись бы его образом при описании демонов. Демонический образ. Плечи широкие и немного опущенные. Руки кажутся чуть длиннее, чем нужно. Копна чёрных как зола волос. Такое чувство, что его нарисовали угольным карандашом. Он выглядит как набросок, но вот с глазами переборщили, конечно. Лично я так и не научилась рисовать глаза в правильных пропорциях.

«Я сбил вас со счёта, прошу прощения», – сказал он, подойдя ближе. Нет, он очевидно на две головы выше меня.

Мы заговорили. Да, наверняка о чём-то заговорили. Потом он представился. Его зовут Лемм.

Я рассказала ему про дом. Наверное, я не должна была этого делать, ведь при первой встрече не принято говорить, что на тебя охотится твой собственный дом. На долю секунды мне показалось, что он сделал недоумевающую и слегка растерянную гримасу. Это больше похоже на Йенса, конечно. Но Лемм и бровью не повел.

«Такое может случиться с каждым», – сказал он.

Такое может случиться с каждым...

Такое может случиться с каждым. Почему я раньше об этом не подумала?

Мне захотелось ему открыться. Я больше его никогда не вижу, подумала я. Как я могу его увидеть, если он здесь проездом? А если не проездом, ведь я так и не спросила, откуда он?

Тем не менее, мы бродили до глубокой. Ночь была безлунная, небо было чистое и звёздное. И на море полный штиль. Я рассказала ему всё: о той зиме, об аварии на шахте, о переходном возрасте, о том, как я ходила рисовать маяк, а мне никто не поверил. Он слушал. Слушал не так, как это обычно бывает у доктора Хольмберга – надменно, свысока; не так, как слушает Йенс – перебивая и эмоционируя. Он слушал спокойно, внимательно, понимающе.

Боже, неужели за все эти годы я наконец встретила человека, который просто выслушал меня? Впервые за долгое время мне не было стыдно за то, что я рассказываю, мне не казалось, что мои слова принимают за бред сумасшедшего. Я услышала себя со стороны и многое осознала!

Мы бродили по пляжу, собирали чёртовы пальцы, считали звёзды и говорили обо всём. И так счастлива я не была никогда.

А потом он проводил меня домой.

Лемм сказал, что мне больше нечего бояться и что дом не захочет удушить меня снова, ведь я все-равно смогу удрать. К тому же, на рассвете все тревоги рассеиваются как туман.

За это время я нисколько не утомилась, хотя меня немного и клонит в сон. Я спокойно зашла в дом, я пишу сейчас эти слова, чтобы эмоции не остыли и не притупились, а потом пойду спать.

Лучшая терапия – это свежий воздух, разговор по душам и здоровый сон.

А Йенс еще не вернулся с рыбалки.

*1 ноября
Отметить Хэллоуин как запланировали: не получилось.
Столько головной боли! Яспер и Хуго изъявили желание пойти на праздник к своим друзьям. С ночевкой. На материк.
Нет, ну когда – то это должно было случиться!*

Почти неделю шила костюм для Яспер. Костюм безумного шляпника. Почему нельзя было как все девочки наряжаться ведьмой, снежной королевой...или какой-нибудь феей в конце-концов? Пару штрихов, грим, лак для волос, блёстки и корзина для конфет! Готово!

Как ей вообще пришло в голову выбрать этот образ?

Хуго пожелал быть Хоббитом.

В общем, на зелёную бархатную ткань пришлось раскошелиться. Вроде все остались довольны – мама не утратила абстрактное мышление.

Конечно, ночь выдалась бессонной, я все время думала, как они там? О чём они говорят? А что если их кто-то обидит, а меня не будет рядом, чтобы их защитить?

Я как-то прочла, что гиперопека очень портит воспитание. Не стоит мне всё же постоянно прокручивать в голове плохие мысли.

К счастью, через сутки дети вернулись целые, невредимые, а главное – довольные. И мама снова стала другом.

Йенс весь уикенд проработал. Говорит, что праздник – золотое время для тех, кто хочет обогатиться. Нам сейчас дополнительные деньги бы не помешали, сеансы доктора Хольмберга ощутимо бьют по карману.

Кстати, насчет сеансов: доктор говорит, что у меня наблюдается положительная динамика. Состояние «стабильно удовлетворительное», говорит. Или как-то так.

После того случая я еще несколько раз ходила на маяк, чтобы встретить Лемма. Но его нигде не было. Он и не обещал вернуться, не так ли? Но что-то глубоко в душе очень хочет его возвращения. Я предчувствую, что это не конец, мы еще обязательно увидимся!

В целом – неделя прошло очень хорошо. А мне всего лишь надо было с кем-то разделить свою печаль.

О, как точно мама описывает то время!

Мы с Хуго действительно неплохо повеселились. Первый раз попробовали пиво. Помню, как ощущали себя безумно пьяными и боялись, что мама заметит, поэтому с утра почистили зубы аж два раза и старались вести себя, будто ничего не произошло.

Она права, как резко все поменялось тогда в положительную сторону!

Конечно, она ничего не рассказывала ни про тайного друга, ни про сужающиеся стены. Мы просто вернулись от бабушки с дедушкой и увидели прежнюю маму: улыбающуюся, добрую, солнцем пропитанную маму. Папа тоже сиял. Только вот он уже приехал счастливый, не зная, что мама пошла на поправку.

Это волшебное ощущение полёта, и хотелось петь, кричать на весь мир о своём счастье!

В тот же вечер мы испекли яблочный пирог. Это был самый тёплый, самый душевный вечер в моей жизни! Папа рассказывал веселые истории, мы посмеялись от души. В доме пахло пряностями, потрескивали дрова в камине, за окном была красавица-осень. Нам казалось, что теперь так будет всегда, а то, что было – не что иное, как страшный сон. Хотя, глубоко внутри что-то щемило. Наверное, я понимала, что это не похоже на настоящую жизнь и уж точно праздник не продлится долго. Интуиция меня никогда не подводит и по сей день.

Сказка длилась ровно три дня.

Это было воскресенье, а по воскресеньям мы обычно ездили с папой в город: кино, мороженное, шоппинг. Это был день, когда мы с Хуго могли объедаться картошкой фри и наполнять желудки газировкой без зазрения совести. В течение недели я сэкономила на полднике, чтобы потом в этот долгожданный день позволить себе чуточку больше, чем Хуго. Наличие независимых финансов придавало мне авторитета в своих же глазах. Ну, и в глазах остальных тоже. Не теряя времени, я умылась, оделась и спустилась к завтраку уже в пальто, чтобы поторопить папу и брата. Однако, планы треснули как осенний лёд на реке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.